

Лазарева Александра Владимировна

г.Сургут (Ханты-Мансийский Автономный округ - Югра АО), г.Катайск (Кургансеая область), Россия

Родилась 2 ноября 1959 года в небольшой зауральской деревне Озеро-Вавилово в крестьянской семье. В 1981 году окончила филологический факультет Шадринского государственного педагогического института по специальности — учитель русского языка и литературы. По семейным обстоятельствам десять лет работала воспитателем в детском саду, десять лет заведующей библиотекой в небольшой школе г. Сургута. В настоящее время на заслуженном отдыхе.

Двое детей живут и работают в Сургуте. Стихи начала писать со школьной скамьи. Всё её творчество проникнуто любовью к родной деревне. Она бережно хранит обычаи, родной уральский говор, память о своей утраченной в результате пожара деревне, собирает самобытные предметы сельского обихода, объединив их в мини-музей «Горница». Издала несколько авторских сборников стихов и песен.

С 2012 года руководит литературным объединением «Северный огонёк». Член Союза писателей России с 2016г.

А тополя нас по-прежнему ждут...

Там у воды, что за нашей деревней, Бабки Любавы старый покос, Тополь разлапистый, мудрый и древний, В душу, как в землю, пожизненно врос.

Мачеха-мать на корнях, как царица, Тёплым вниманьем не тешит себя. Кажется всё это мне или снится? Родина! Как я живу без тебя?

А на покосе, как звёзды, ромашки, В бабкину честь, улыбаясь, цветут. Редкие гости в деревне мы нашей, А тополя нас по-прежнему ждут...

Ты живёшь в моей памяти, мама... Мамы не стало 27.07.1996г.

Ты живёшь в моей памяти, мама, В моём сердце, в моей мечте. Поднимаешься утром рано, И весь день на ногах, в суете.

Я не помню — чтоб ты отдыхала, Знать, написано так на роду, Что не просто ходила — летала, Разговаривала на ходу.

Всё могла – на делянке пилою, В дождь и слякоть картошку копать, Только мало была со мною, В редкий миг могла приласкать.

А с покоса всегда возвращалась, Когда солнце ушло отдыхать. Моя бедная, шла и мечтала: Вот коров подою, да и спать.

Но заснуть не давали заботы: Вроде только успела прилечь... Перед тем, как идти на работу, Пирожков ребятишкам испечь.

И пишу я об этом с тоскою, И живу со слезами в глазах. Всё равно ты осталась со мною, В моих мыслях, в тревогах и снах.

Родительский дом

Ножки детские босы. С царапиной – к маме. С воплем громким бежали в родительский дом. Где обид наших горьких волнующий пламень Затихал под заботливым добрым крылом.

Неудачи в любви, как в пронзительной драме, Мы уладить старались одни, а потом С этой болью сердечной спешили мы к маме, В самый светлый на свете родительский дом.

В доме лад и тепло.
Мы – родители сами.
Но хочу я прижаться дочерним плечом
К самым мудрым и чутким – к папе и маме
В Цитадели, чьё имя – Родительский Дом.

Я иду по деревне

Я иду по деревне – мне снова семнадцать, Тётя Глаша стоит у ворот. Не меня ли решила дождаться, Всё мечтая: в невестки возьмёт?

И Варвара некстати у дома, (Надо ж было пойти на беду!) Вся в предчувствии молнии, грома, Как по углям горячим иду!

А пройду, поведут разговоры
О причёске, нарядах, ногах.
Выйдет Манька - соседка на споры –
Руки в боки –
И как на торгах.

Надо было тогда объясниться. А теперь вот который уж год Только-только прикрою ресницы – Тётя Глаша стоит у ворот...

Мой дом

Просыпаюсь на горячей печке – Правый бок «горит» от кирпича. За окошком утро или вечер, - Не пойму спросонок, сгоряча.

Мать с отцом беседуют чуть слышно – Шёпотом – детей не разбудить. Вот отец с ведёрком в сени вышел, - Перед выгоном корову напоить.

Скоро братья будут просыпаться, Не сосед, не друг им долгий сон... Никуда не надо собираться, Воскресенье. Деревенский дом.

Письмо к матери

Мысль тревожна, грустна и упряма В моём сердце живёт о тебе: Как живёшь ты, милая мама, Как ты там, в деревенской избе?

Смотришь ты сквозь оконные рамы На дорогу, в далёкий район. Кто-то едет. К тебе или прямо? Нет.

И снова не сын.

Не он.

Ты озябшие руки согреешь, К русской печке ладони прижав. Заболела. Болеть не умеешь, Все земные законы поправ.

Каждый день тебе долог и труден. И не в радость пришедший март. Что там было? Что ещё будет? — Вновь разложишь колоду карт...

Ты опять не ложишься упрямо. От волнений болит голова. Чтоб тоску излечить твою, мама, Что сказать мне? Какие слова?

Ночи белые

Ночи белые, словно птицы, В город северный держат путь. Что нам в белые ночи приснится? Что нам вновь растревожит грудь?

Ночи белые мне подсказали В царство детства мосток потайной. Вот черёмухи цвет у Натальи – Моей бабушки, доброй, родной.

Вот покос.

Я в лесу с медуницей, Пью, хмелея, берёзовый сок. А прикрою покрепче ресницы, Снится озера чистый песок.

Там, на озере лодка, маячит, Дядя Ваня плывёт. Рыболов... Мне доступно великое счастье – Сохранённая к предкам любовь.

Живая вода

Это в сказках – живая водица, А по жизни несу я мечту, Чтоб как в детстве вволю напиться Из колодца в заветном саду.

Звук цепи после бденья ночного Нас будил как малиновый звон. Как наказ чудотворца святого, И могуч, и всесилен был он.

Да откуда мне сила даётся, Чтоб смеяться, и петь, и любить?.. Мне б водички святой из колодца, Чтобы силы мои подкрепить! Тёте Вале (т. Вали не стало 23.03.2012)

В тётю Валю – душа нараспашку Как деревней, по жизни я шла. Там не знали девочку Сашку, Там я просто Шурой была.

В доме том посредине деревни Редкий день проходил без гостей Замечателен принцип наш древний: Накорми, кто зашёл, обогрей.

Я порой прибегала без дела, И на лавке, в переднем углу, У окна под божницей сидела — Первый гость, как на званом пиру.

Моей памяти лёгкая струнка Прозвенела теплом из зимы: На буржуйке – картошки чугунка, А под печкой – мои пимы.

Мы крестьянского роду, не знати, Ценим память Добра и Тепла. Помню матицу, помню полати, А под ними – качеля была.

Разорили в углу голубь-пташку, Напустили разруху-беду. В тётю Валю – с душой нараспашку Как деревней, по жизни иду...

Надежде

Позабыть? — Не в моей это власти: Палисадник, калитка, дом. Наше лёгкое детское счастье По деревне прошло босиком.

Там, у озера – светлый лесочек. Тихо. Ласковый шум камыша. Вот об этом – тысяча строчек, В них надежда моя и душа.

Привкус шанег с морковкою сладкий, И черёмухи вяжущий вкус. Там любимой игрой были прятки, На полатях – защитный брус.

Парасковья, Федосья, Мария, И Наталья, - родные мои. В них –фундамент великой России, В них –источник Добра и Любви.

Не позволю угаснуть надежде, И деревней в отеческий дом, Добрым утром, смеясь, как и прежде, Две сестры побегут босиком.

Мой отец

Мой отец был крестьянский мужик – И за век свой немало видал. Белым днём отдыхать не привык, Да и ночью порой не спал.

Мои мысли грустны - далеки – И такое нельзя позабыть: По ночам он латает мешки Или валенки мог починить.

Он и стряпать пельмени любил, Да и кушать, наверное, тож. Не могу говорить о нём «был», Он всегда в мои мысли вхож.

В сенокос людям грабли стругал, За работу – всего три рубля! И литовки легко отбивал... И на папке держалась семья!

Мой отец – простой русский мужик – На работу крестьянскую спор. О любви говорить не привык, Я люблю его до сих пор...

Назовут городской – не обижусь, - Двадцать лет этот город мой. Вот иду по асфальту и вижу: Я иду по деревне домой.

Рано утром шагали с граблями По обилию тёплых рос — За пшеничными за полями, На Шаламовом поле покос.

А другой наш покос на болоте, Потому он и «остров» назван, Где закончив в совхозе работу, Сенокосил мой брат Иван.

Оттого ли, что к старости ближе, Возвожу в своё детство мост. Назовут «городской», Не обижусь, Но всё тянет на наш покос.

Хочу домой

Снова ссорюсь я с белой ночью, И подушка не ладит со мной. Ваня-Ванечка, милый браточек, Я в деревню хочу.

Домой.

Не хочу на Канары и в Сочи, Всех святых об одном молю, Чтоб вернуться с тобою, браточек, В дом наш старый, на самом краю.

И ступить на крыльцо в три ступени Да в раскрытую настежь дверь, Чуть пригнувшись, зайти сразу в сени, Как в раскрытую бездну потерь.

Дверь не сразу откроешь в избу, Как и мысли, она тяжела. Отдала бы я маме полжизни, Если б только помочь смогла.

Мы теперь уже знаем сами Смысл фразы – «детей растить». Мама-мамочка, милая мама, Ты прости нас. За всё прости...

Не опоздайте

Все мы просто взрослые дети, И, как дети, мечтаем о том, Что нас снова приветливо встретит Милый сердцу, Родительский дом.

Добрый взгляд сквозь оконные рамы – Это нас наши матери ждут. Губы сжаты в надежде упрямой: Вот окликнут. Вот позовут.

И в толпе, на районном вокзале Ищут цвет наших платьев и кофт. И пускай ничего не писали, Вдруг приехали так, без звонков?

Сколько их, этих взглядов тревожных, Научившихся верить и ждать? Неужели это возможно: Обмануть их? Слукавить? Предать?

То не ставни скрипят одиноко, То не шифер стучит по избе. То состарились мамы до срока От тоски.

По тебе.

И по мне.

Было время...

Было время — Деревни богатые Просыпались под гул тракторов. И просили дела непочатые Работящих рук мастеров.

Было время — Порой сенокосною Просыпался народ до зари. И качались в лугах травы росные, Когда с песнею шли косари.

Было время — И свадьбы весёлые Успевали на тройках катать. И спешили мужчины пред школою И учителем Шапку снимать.

Было время — Отец наш неласковый Строил домик-дворец для скворца. Были мы беззаботны и счастливы Под надёжным присмотром

отца.

Ромашковое детство

Я забыла девичьи ненастья. Моё детство – лазоревый цвет. И такое великое счастье – Из ромашек и мыслей букет.

В огуречник, меж грядок, дорожка. Самой маленькой, мне – первый плод... В одеяле дышу над картошкой – И простуда легко отстаёт.

Пасху помню – я крашу яички, Рады все, что Воскресе Христос!.. И букетик несёт землянички Моя мама, закончив покос.

А меня берегут по наследству Папка, братья – полно мужиков. ... А какое оно, моё детство? Да оно из ромашек – цветов.

Деревенская зарисовка

Я в отпуск спешу не к Парижу – Презрев городской уют, Деревню уральскую вижу: Коровы с пастушни идут.

Соседский мужик-работяга С тревогой к косилке спешит. Опять неисправная тяга Работу его тормозит.

Гусята кудрявую травку Совсем перестали щипать. Подруга зовёт сына Славку Малюток домой загонять.

Вот Люба уже процедила По просьбе моей молоко... Я помню: такое уж было, Да в детстве – давно.

Далеко...

Богомолицы

Посреди Одиночества-крика Не познав городской уют, Без удобства большого и шика Мои тётки в деревне живут.

Даже если болезнь им на плечи Свои цепкие руки кладёт, Они ждут меня каждый вечер На скамейке у ветхих ворот.

На районную глядя дорогу, Страх-болезнь прогоняя с плеч, Вновь молитвенно просят Бога Не себя, а меня беречь...

Деревенька моя

Сколько их, деревень позаброшенных, - Лукино, Мазуровка, Вавилово, Где покосные травы не кошены, Где гуляют ветра не над нивою?

Где у дома, людьми обделённого, Голоса не слышны петушиные. А туман огородами сонными К лесу движется тропкой звериною.

И за солью, что в доме закончилась, Валя к Нюре не кинется «займовать». Ты поднимешься завтра ли, нонче ли, Деревенька, любимая самая?

Кто пришёл здесь хозяйкой не прошенной, Разорил всё рукою постылою? Сколько их, деревень позаброшенных, – Лукино, Мазуровка, Вавилово?

Ошиблась кукушка

Озаряясь лучами с востока, Синим лоскутом озеро всплыло. И кричала кукушка без срока — Сотни лет деревеньке сулила.

Жил крестьянин в работе и вере, Был доволен избой и амбаром, За отцов и детишек уверен — Знал, что жизнь проживает недаром.

Опустился на озеро вечер. Покосилась пустая избушка, В одиночество кутая плечи. Нет деревни. Ошиблась кукушка...

Я, босая, иду по земле Без стыда, без сомненья и боли. Вижу хлеб, когда он на столе, Знаю хлеб, когда он в чистом поле.

От кусочка ржаного хлебца В горсть сметаются хлебные крошки. В них – любовь и забота отца, Пот и радость – всего понемножку.

Я, босая, в отцовском селе. От морозов душа не застыла. Пусть отца уже нет на земле, Мне Земля отдаёт его силу...

* * *

И от слёз не сбежать, не согреться, Нынче больно смотреть на село, Где на месте счастливого детства Всё бурьяном сплошным поросло.

Не засеяны добрые пашни, Сенокосные стонут поля. Рук хозяйских заботливых наших Ждёт-тоскует родная земля. Я родом оттуда, где тёплые росы, Где вместо будильника утром – петух,

Где радостно люди спешат на покосы Так, словно работа их – песенный круг.

Капустной рассадой поделится Гутя, Володя литовки, шутя, отобьёт. Комбайна штурвал Ванька с Витькою крутят А Сашка Давыдов вспахал огород.

И пусть это быт.

Не поэзия.

Проза.

Да было бы место хорошим делам! И пусть над деревнею ливни да грозы, Я родом оттуда. Душою я там.

Счастливая

Я от жизни не требую много – Я счастливой иду по земле. Пусть беспочвенной будет тревога За достаток на каждом на столе.

Довелось мне в деревне родиться... Хоть давно человек городской, Я хочу, чтоб родилась пшеница На полях у деревни родной...

Пусть так будет по всей России – Детским ножкам по травке ступать. И ещё – урожаи большие Было чтобы кому убирать...

Пепелище

Ещё жива была надежда, Что дом отцовский где-то ждёт, Что там, в деревне, как и прежде, Под кров родимый нас зовёт.

Среди крапивы тропку ищем. Навстречу – пусто. Никого.

На месте дома -

Пепелище.

И ни крыльца.

И ничего.

В пустой деревне одиноко Своих жильцов напрасно ждал. Рукой холодной и жестокой Огня был пущен страшный пал.

Я слёзы горечи глотаю – Где Красный угол? – Пепел. Тлен. И землю с пеплом обнимаю, И нету силы встать с колен.

* * *

Где гордо гусыня гогочет Под лавкой в гнезде у стола, Где самые звёздные ночи – Там наша деревня была.

Где лодочка озером чистым Синь неба качая, плыла. Я светом питалась лучистым, Там наша деревня была.

Где гимны крестьянской работе Певучая пела пила, И люди в единой заботе — Там наша деревня была.

Где всякое чудо возможно, Где сказка стать явью могла И вера – закон непреложный, Там наша деревня была.

Где в травах душистого лога Россия-ромашка цвела. Не скажет никто, кроме Бога, Где наша деревня была.

У мамы в гостях

Приголубила тёплая печка, Рядом с мамой спокойна душа. – Двух ягнят принесла нам овечка, Ах, как ярочка та хороша!

В горле что-то опять запершило, Надо баньку скорей истопить. – Я медку у Любавы купила, Молочка надо с мёдом попить.

Как дела там у дядюшки Пети? С кем живёт? Или снова один? – Никого мне не надо на свете, – Говорит, – сам себе господин.

Сколько думаешь соток картошки Этим летом опять посадить? – Да, наверно, убавлю немножко, Видно будет, дай, Боже, дожить.

Обо всём говорим неторопко, Ах метельный, воинственный снег, Замети возвращения тропки, Чтобы с мамой остаться навек.

Гусиные лапки

...Не носила плетёные лапти, Колоски собирать – не мне. Мы с получки «гусиные лапки» На шесть кучек делили в семье.

На покос – молоко по бутылкам, Да картошинки в кожуре. С необъятною радостью пылкой Нам работалось на жаре.

И стожок из травинок душистых Был венчанием всех трудов. Сколько лет пролетело мглистых И пропало во тьме веков!

Но мне снятся плетёные лапти, Сенокосного детства смех. И конфеты «Гусиные лапки» Я, как прежде, делю на всех.

* * *

Словно книги странички листаю – Сердцу сладостно всё вспоминать... Из оградки гусиную стаю Поутру выгоняет мать.

Август летнюю, тёплую книгу Пролистал, прочитал – не впервой. Разбежался сентябрь, да и прыгнул В поле чистое жёлтой травой.

Поля хлебного края не видно, Работящим рукам страда. Было время – с пшеницей машины, Было время - большие стада.

А сегодня от лёгкой наживы С человеком случилась беда. Не оплакать плакучим ивам Вот того, что прошло навсегда.

Возвращение

Скиталец-ветер, будь поводырём – И окажи мне добрую услугу: Веди меня не городским двором,- А в край родимый, скошенному лугу.

Напомни мне, как песни хороши Июньских голосистых соловьёв. И улетать оттуда не спеши, Дай возвратиться в первую любовь.

Я снова на ромашковом лугу «Не любит-любит», веря, погадаю. А ты лети, я в детство убегу, Когда вернусь, пока ещё не знаю.

Не знаю, ветер, где он, твой приют - Между какими жизни берегами. А мой на малой Родине, вот тут, Где я босыми бегала ногами.

Коромысло

Поднимая завесу тумана, Что над памятью плотно нависла, Вижу ясно я: тётка Ульяна Чуть согнувшись, идёт с коромыслом.

Вёдра-братья на коромысле, Как с сестрёнкою мы на качели. И весёлые тешатся мысли: Мы частушки вослед ей пели!

Хохотали и Гутя, и Глаша, Там, на брёвнышке, возле забора... Опустела улица наша, Лишь черёмуха смотрит с укором.

В тишине просыпаясь рано, Тёплым снам вспоминаю в угоду: С коромыслом тётка Ульяна От колодца проносит воду... * * *

Нынче всё как у классика вышло: Вот деревня моя, вот дом. Те же ставни, и та же крыша, Только что-то чужое в нём.

Поняла. И лишилась речи, Сжалось сердце моё в комок — Не спешит моя мама навстречу, И на сенцах висит замок.

Прохожу по избе со слезами – Наше зеркало, наш комод. Только нет в нашем доме мамы, Не откроет она ворот...

Детство

Вижусь я семилетней девчонкой, Брату около девяти. Рубль лежит на столе под клеёнкой – Нам с Серёгой за хлебом идти.

А родители, встав спозаранку, Видно, в жаркой работе с утра. Старших братьев взяли в делянку – Им тринадцать и десять. Пора!

Подгоняют друг друга два брата, Мать вздыхает: ещё малы. А отец как прикрикнет матом: Что...заснули возле пилы?

Мы с Серёгою рады стараться — Нам особое дело есть: Если хлеб привезут по шестнадцать, Сразу купим буханок шесть!

Был нам хлеб этот сладок очень, Мы не знали столичных конфет... Слёзы будят меня среди ночи – Полсемьи в этой жизни нет.

Сгоревшая деревня

Что же это – стихия ли, кара? Если кара, сомненья – за что? После буйства большого пожара Трудновато растет лепесток...

Наши корни засыпаны пеплом, Мысли-свечи задули ветра. Земляки мои памятью светлой Знают Родину той, что «вчера»...

Мысль моя, как деревня, под пеплом, Сердце в камне. От слез и обид. Уезжаем при встречном при ветре, И душа безнадёжно болит...

Моя деревня

По родимой земле босиком — Я подошвами черпаю силу. Пусть гремит над деревнею гром, Всё родное — и любо, и мило.

Дяди Саши стоит старый дом – Тополь.

Верба.

Колодец.

Берёза.

Я в деревню сначала...

Потом

Всё мне в городе явится в грёзах.

Ширь небесная! Можно кричать! Вряд ли поле откликнется эхом, И спешу на колени я встать, И, уехавши, снова

приехать...

Откуда моя простота...

Откуда моя простота – Да я же девчонка с Урала. Другим помогать – мечта – Сегодня реальностью стала.

Откуда моя доброта, С какого она истока? – Это предков моих черта, Мне перешла издалёка.

Откуда все корни мои, Исканий и творчества жажда? Да я ж из крестьянской семьи, Что вывела в люди однажды...

Зимний отпуск

Зимний отпуск был очень короткий – Рождество, да четыре дня. И в деревне родные тётки Не надеялись на меня.

– Может быть, она ближе к лету Сможет снова нас навестить. Ведь теперь её матери нету, Не захочет сюда спешить.

Досказать своих слов не успели, Зазвенело от стука окно. А потом мы, обнявшись, ревели, Под пельмени пили вино.

Словно все собирались на битву. Я страдала, но что я могла. Только ночь я у них провела, Мне вослед прошептали молитву...

Ностальгия

Не в моей ли деревне было: Перепляс, перестук, пересвист? Где вы, добрые старожилы, Где Натальин Петро-гармонист?

Но теперь ни в единой избушке Ни огня, ни теней не видать. Где нам, добрые наши старушки, Души стылые отогревать?

Только вьюга дикие песни Залетевшему ветру поёт. А душа моя, если честно, В нашей прежней деревне живёт.

Тишина

Тишина над заснувшей деревней Своё царское место нашла. Меж домов, на дороге вечерней, Прописалась хозяйкою мгла.

Соловей от весны ожиданья Истомился, бессменный солист. Как услышит природы желанье, Так заводит колена и свист.

На крылечке у сельского клуба Ночь торопит, но я не спешу... С задушевной подругою Любой Тишиной и деревней дышу.

Деревенька, всеми забытая....

Деревенька, всеми забытая, Только в памяти нашей живёт. Неухоженная и несытая, Боль моя, деревенский народ.

Вместе счастье и горе мыкали, Сев ли, жатва ли – всё пополам. Нынче избы наши рассыпались, Мы живём по чужим городам.

В городской тишине вечерами В самых сладких нам видится снах: Наше озеро с карасями, Наши мамы с бельём на мостках.

И опять молоко мы из крынки Продолжаем, как в детстве, пить. Потому что сердец половинки В старых избах остались жить.

Мы из одной деревни

Я от слёз не могу удержаться, Потому что душа не кремний. Говорю, успевая обняться: Мы с тобой из одной деревни.

Когда поровну солнце и тучи, Горя меньше и песни напевней. И такое всегда, потому что Мы с тобой из одной деревни.

Мы поём наши старые песни, Как бы ни было в жизни скверно. Хорошо нам, когда мы вместе, -Мы ведь все из одной деревни. Мне с городом пыльным...

Мне с городом пыльным расстаться, Не мешкать, Уехать на дачу, в тайгу. Далеко. Трещит, упражняясь, огонь на полешках, С сучка на сучок перепрыгнув легко.

Под треск его чудный, почти засыпая, Уже непонятно – то явь или сон: Корову с пастушни отец загоняет В пристройку с забытым названьем «пригон».

А мама готовит жаркое из гуся В огромной жарёхе. С пшеничной крупой. И этого блюда подобного вкуса Мне больше не пробовать в жизни большой.

Не знала я в жизни безделья и лени, Пилить и косить мне когда-то пришлось. И вновь перед прошлым встаю на колени, Совсем не жалея того, что не сбылось!

Землякам

На земле, на родной, на заброшенной, Яркой зеленью сорняки. Что искать на чужбине хорошего Мы разъехались, земляки?

Двери, окна жестоко сколочены, Словно в сердце забит каждый гвоздь. И суровою ниткой прострочены Наши души и мысли насквозь.

Нас отчаявшись ждать, умирали Одинокие старики. Мы без Родины жить устали, Так поедем домой, земляки!

Сладким не избАлованы дети, Был один в деревне магазин. Музыка – гармошка дяди Пети, Завтрак: хлеб домашний, маргарин.

Но какие б ни бежали сроки, На какой я буду стороне, В деревеньке той всего истоки, Что случилось доброго во мне...

* * *

Переулочек мой нерасхоженный, Что Крестьяновкой кто-то назвал. Молодые мы шли, непохожие, Каждый «в люди» свой путь выбирал.

Мы ступали ногой неуверенной, И печаль застилала глаза. Провожали нас мамы растерянно, Успевая молитву сказать.

Из деревни родной уходили мы, Тайно верили – не навсегда. На чужбинушке жизнь опостылела, Не влекут красотой города.

Возвратиться бы в долю крестьянскую, Да Крестьяновкой снова пройти! С верой-правдою Христианскою Здесь душевный покой обрести.

Одиночество

Одиночеством раненный тополь, Наделённый добром и терпеньем, Смотрит вдаль на дороги и тропы, Ожидая людей возвращенье.

Не боится ни ветра, ни вьюги, Самолётов, летающих мимо. Верит тополь: людские руки Похудевший ствол приобнимут.

У людей, живших рядом когда-то, Боль- тоска не становится глуше. Ностальгия – вот их расплата... Как у тополя...

ранены

души.

Я ДАВНО НЕ ЖИВУ В ДЕРЕВНЕ...

Я давно не живу в деревне, Мне деревня приходит во сне. Мысль о ней, что напиток пенный, Зажигает огонь во мне.

Я давно пешком не ходила Из чужой деревни домой. И коровушку не доила, Не гоняла на водопой.

Управляюсь я с коромыслом, И качаются два ведра... Годы, месяцы, дни и числа – Вот ночей бессонных пора.

Я давно не живу в деревне, В той, где детство прошло моё. Нет вопроса сейчас плачевней: А живу ли я без неё? * * *

У Варвары тополь...

у дома...

Я не знаю, он жив, или нет. Только память наша весОма Не на десять – десятки лет.

Свято верим – деревня будет – Будет светлым над озером день. Все, кто жил здесь – родные люди, И не властна ушедшего тень.

Помню милую я подружку — Не считаем прошедших лет. Из колодца воды бы кружку, Испечённый бы мамочкой хлеб.

Огород. А за ним – колодец, Вкруг колодца – ромашек цветы. ...а дорожка в том огороде Возвращает меня в мечты.

БРАТ ИВАНУШКА

Семилетним мальчишкой в работе, И к такому званью привык, Что на самой возвышенной ноте Там звучало: крестьянский мужик!

Всю науку крестьянской работы Он на практике твёрдо постиг. Что отец его – плоть от плоти – Передал, как крестьянский мужик.

Нарекла его мама Иваном. Имя это – и мудрость, и крик. И в характере, Богом данном, Брат Иванушка – русский мужик!

* * *

Не забытый родимый исток, Как хрусталик в душе берегу. Медуница, берёзовый сок, Да обабки в далёком логу.

Чужд мне запах голландских роз, Смысл иной даровала жизнь — Поле, рожь, васильковый покос, Да ромашки в судьбу вплелись.

Снова в утреннюю росу Я ступаю ногой босой. И на север в душе унесу Солнца свет из деревни родной.

ПОМНЮ...

С косточками счёты, что со склада, Быль и боль деревни дорогой. Я, как другу старому, им рада, Привезла из отпуска домой.

Сколько тонн овса или пшеницы, Сколько ржи — всё надо посчитать. Калькулятор нам ещё не снится, Счёты скажут — надо записать.

А на счётах пальцы тёти Глаши — Ей доверено все действа совершить. Перепутать косточки не страшно — Страшно эти счёты позабыть.

* * *

Я не забыла наш быт деревенский. Быт наш крестьянский... Пройдись по домам. Сколько задач, самых сложных, не женских, Было у наших заботливых мам!?

Зорькою ранней с хлебной лопатой Мамы у печки — нам пироги. Тесто не вышло — мать виновата... В руки подойник — к корове беги.

Как у Некрасова – плачет ребёнок - Мама к нему – не уймётся сынок. Вот настирала штанишек-пелёнок, К Лику Святому: «храни его, Бог!!

Дома управилась. В поле совхозном – Грабли, да вилы, топор да коса. А возвращалась так вечером поздно, Тайно мечтая: прикрыть бы глаза.

Только по праздникам, скинув усталость, Под балалайку и в круг – не впервой! В памяти мама такой и осталась – Доброй, усталой, весёлой – живой!

* * *

Вся родня моя, добрая, чуткая, Что познала немало потерь, В светлый праздник, годину ли жуткую, ШирокО открывает дверь.

В дом крыльцо в три ступени, дощатое Там обнимут, накроют стол. Добротою, заботой богатые, Не обидят того, кто пришёл.

Мы усядемся в ряд на скамейку — Очень близко — к плечу — плечо. Скинь любую с плеча телогрейку — От добра и любви горячо.

И польётся раздольная песня, «Коробейники», «Хасбулат». Там, на Родине, всё интересней, Всяк прохожий мне сват или брат.

Там, бывает, пустуют карманы, И купюр в них может не быть. Но на новый приезд вижу планы, Знаю: дверь мне готовы открыть.